

## Римо-католический костел на территории Полоцкой области в 1944–1954 гг.

Лавриненко Е.В.

Люблинский Католический университет Яна Павла II, Люблин (Польша)

*В статье рассматривается история Римо-католического костела на территории Полоцкой области, существовавшей в БССР в 1944–1954 гг.*

*Цель статьи – рассмотреть особенности функционирования Римо-католического костела на территории Полоцкой области в 1944–1954 гг.*

**Материал и методы.** Исследование построено на использовании широкого круга документов Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Витебской области и Зонального архива в г. Молодечно, что позволило всесторонне рассмотреть положение Римо-католического костела на территории Полоцкой области в 1944–1954 гг. Методологическую основу публикации составили принципы историзма и объективности.

**Результаты и их обсуждение.** На момент освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г. в Полоцкой области служили 38 римо-католических священников и функционировали более 40 приходов. На территории области имелось два монастыря. Однако власти стремились не только к резкому ограничению деятельности Костела, но и ликвидации его структур. В результате массовых репрессий католического духовенства практически все священники были арестованы и отправлены в лагеря, еще 4 перешли на нелегальное положение. Только 4 священника не были арестованы. После ареста священников приходской костелы забирались у верующих, затем передавались под зерносклад. В результате уже в первом квартале 1952 г. только в 4 приходах имелись настоятели, еще 3 прихода области функционировали без священников. Однако верующие боролись за сохранение своих храмов, направляя заявления уполномоченному Совету по делам религиозных культов с просьбами вернуть им святыни.

**Заключение.** Несмотря на все усилия властей ликвидировать структуры Костела на территории Полоцкой области, им это не удалось, во многом благодаря как жертвенной позиции священников, так и героическим усилиям верующих.

**Ключевые слова:** ксендз, костел, приход, монастырь, Виленский архидиоцез, Полоцкая область, уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров Союза ССР по Полоцкой области, политические репрессии.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 5–12)

## Roman Catholic Church on The Territory of Polatsk Region in 1944–1954

Lavrynenko E.V.

John Paul II Catholic University of Lublin (Poland)

*The article deals with the history of the Roman Catholic Church on the territory of Polotsk region, which existed in Byelorussian SSR in 1944–1954.*

*The article aims to discuss the specific affairs of the Roman Catholic Church on the territory of Polotsk region in 1944–1954.*

**Material and methods.** The research is based on the use of a wide range of documents of the National Archives of Belarus, the State Archives of Vitebsk Region and the Regional Archives of Molodyechno. This allowed the comprehensive discussion of the situation of the Roman Catholic Church on the territory of Polotsk region in 1944–1954. The methodological basis for the publication was the principles of historicism and objectivity.

**Findings and their discussion.** By the time of the liberation of Belarus from German fascist aggressors in 1944, there were 38 Roman Catholic priests and more than 40 parishes in Polotsk region. There were two convents on the territory of the region. The State not only was making efforts to suppress the activity of the Church but also tried to eliminate its structures. As a result of the mass repressions, most priests were arrested and deported to the camps, four more continued to work illegally. Only four priests were not arrested. After the arrest of a priest, the church goers were denied access to the parish church, which was used as grain storage. Thus, by the first quarter of 1952 only four parishes had a parish priest and three more functioned without a priest. The church goers struggled for their churches and sent their petitions to the representative for the religious affairs to allow them back to their churches.

**Conclusion.** Despite all efforts of the State to eliminate the structures of the Church on the territory of Polotsk region, they did not manage to do it due to the sacrificial attitude of the priests and the heroic efforts of the followers.

**Key words:** priest, church, parish, convent, Vilnius archdiocese, Polotsk region, the representative for the religious affairs for the Council of Ministers of the Soviet Union for Polotsk region, political repressions.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 5–12)

**П**ервое послевоенное десятилетие было наиболее тяжелым в существовании Римо-католического Костела на Беларуси, особенно в западной ее части. Это было время массовых репрессий католического духовенства, закрытия костелов и запугивания верующих. Однако, несмотря на сильнейшее ограничение его деятельности, Костел смог выстоять и частично сохранить свои структуры.

Цель статьи – рассмотреть особенности функционирования Римо-католического Костела на территории Полоцкой области в 1944–1954 гг.

**Материал и методы.** Исследование построено на использовании широкого круга документов Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Витебской области и Зонального архива г. Молодечно, что позволило всесторонне рассмотреть положение Римо-католического Костела на территории Полоцкой области в 1944–1954 гг.

Методологическую основу публикации составили принципы историзма и объективности. В исследовании применялись как общенаучные (исторический и логический, анализ и синтез), так и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный) методы.

**Результаты и их обсуждение.** Полоцкая область была образована 20 сентября 1944 г., в ее состав входило 15 районов: Освейский, Браславский, Ветринский, Видзовский, Глубокский, Дисненский, Докшицкий, Дриссенский, Дуниловичский, Миорский, Плиский, Полоцкий, Россонский, Ушачский и Шарковщинский. Часть территории этих районов – Браславского, Видзовского, Глубокского, Дисненского, Докшицкого, Дуниловичского, Миорского, Плиского и Шарковщинского в межвоенный период входила в состав Второй Речи Посполитой, где католичество имело привилегированное положение. Здесь существовало большое количество католических приходов, в которых проходили многочисленные религиозные акции, способствующие еще более активному развитию Костела. В административно-костельной структуре это был Виленский архидиоцез. На территории Полоцкой области находились Браславский, Глубокский, Миорский и частично Надвильейский деканаты этого архидиоцеза [1, с. 47–50, 55–59, 80–83, 86–89, 102–104].

Несмотря на репрессии против верующих и духовенства в 1939–1941 гг. и немецко-фашистскую оккупацию, на этой территории в большинстве своем сохранились практически все структуры, имеющиеся на 1939 год.

На момент освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г. в Полоцкой области служили 38 римо-католических священников. В 1945 г. свою службу начал еще один священник – ксендз Юзеф Францкевич МІС в приходе Иказнь. В 1946 г. умерли ксендз Эдуард Войцеховский из Константинова Дисненского района и ксендз Викентий Буйновский из Бельмонтов Браславского района.

По сведению уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров Союза ССР по Полоцкой области, на апрель 1946 г. в Полоцкой области служил 41 католический священник и

имелось 44 действующих костела [2, л. 6, 9]. В первом квартале 1947 г. по Полоцкой области насчитывалось 44 действующих и 14 недействующих костелов; священников служило уже только 30 человек. Из-за нехватки духовенства священники были вынуждены обслуживать по несколько приходов: так, у ксендзов Петра Бартошевича и Яна Мокжецкого было по три прихода; ряд других ксендзов имели также по три и по два прихода [3, л. 123, 123об.].

В результате изменения послевоенных границ, во время проводимой репатриации польского населения, на переселение в Польшу записалось и все католическое духовенство Полоцкой области. Руководители местных советских органов информировали уполномоченного, что священники, служившие в костелах Видзовского, Браславского и Миорского районов Полоцкой области, открыто призывали выезжать в Польшу, независимо от национальности, мотивируя тем, что при советской власти со временем никаких приходов не будет и передача костелов верующим – это явление временное. Подобное утверждал настоятель в м. Видзы Полоцкой области ксендз Станислав Щемирский, а также священники из Литовской ССР, периодически выезжающие на территорию Полоцкой области для совершения таинств [4, л. 277].

Однако только часть духовенства воспользовалась возможностью выезда. В 1946 г. выехали в Польшу ксендзы Чеслав Матусевич, Юзеф Возняк, Бронислав Чапевский, Станислав Щемирский. Вместе со своими прихожанами записался на выезд в Польшу ксендз Антоний Куява, но выехать не смог. Всего на конец марта 1947 г. из Полоцкой области выехало в Польшу 8 священников [3, л. 123, 123об.].

Одним из первых мероприятий по ограничению деятельности Костела и контроля над ним была объявленная уже в 1945 г. регистрация костелов и священников. Данное мероприятие вызвало сопротивление как священников, так и верующих. Например, в конце ноября уполномоченный получил анонимное письмо, якобы написанное от имени верующих Шарковщинского района, в котором они зло отзывались о священниках, подавших документы на регистрацию. В анонимке имелась следующая фраза: «Дураки вы, отдали советам костелы, а вот наши ксендзы умны, они учат нас, чтобы мы их не регистрировали» [4, л. 211, 277]. Сами верующие отказывались подписывать заявления о регистрации приходов, мотивируя тем, что если «их подписи попадут в МВД, то всех подписывающих заявление вышлют в Сибирь». Так было, например, в Иказни [5, л. 79]. Подобные настроения верующих наблюдались в Докшицком районе [5, л. 68].

«Ксендз Лавцевич из Леомполя, которому было дано указание, в частности, оформление его прихода, до сего времени ничего не делает и при разговоре со мной вносил поправки такого характера: не религиозное общество, а приход, слово “общество” принято говорить в Советах; не работа, а служба и ряд других», – жаловался уполномоченный в отчете на действия одного из священников [4, л. 211].

Уже 15 октября 1945 г. Совет по делам религиозных

культов выслав указание уполномоченному по Полоцкой области воздержаться от регистрации священников и костелов вплоть до получения особого указания [6, л. 73]. При этом необходимо отметить, что на 1 октября 1945 г. в Полоцкой области зарегистрировался только один священник [6, л. 92]. При этом в 1945 г. было зарегистрировано 13 костелов, в 1946 г. – 2 [7, л. 91–92].

Вторая волна регистрации началась в 1947 г. И снова данное мероприятие вызвало сопротивление верующих и духовенства. В частности, камнем преткновения был вопрос о гражданстве священников. Например, уполномоченный в информационном отчете за 1-й квартал 1947 г. писал: «Основным нарушением инструкции являлось следующее: семь ксендзов заполнили анкету с взятием польского подданства: Антоний Шубзда, Вацлав Заборовский, Казимир Томкович, Викентий Варша, Раймунд Бутримович, Альберт Новицкий, Станислав Богаткевич. Остальные 9 ксендзов вообще не заполнили графу “подданство” [3, л. 123, 123об.]. В информационном отчете за 3-й квартал 1947 г. отмечалось, что в Браславском деканате при заполнении анкет все католические священники в графе о подданстве написали, что они являются польскими подданными [5, л. 77–80]. Настоятель Лучайского прихода ксендз Чеслав Барвицкий сказал: «Я не согласен с одним пунктом в анкете – о подданстве. Если можно пропустить этот пункт, то я заполню, ибо мы, духовные настоятели, подчинены епископу, который находится в Польше, и он может нас любого отозвать и направить в любое государство, а если я возьму подданство СССР, то вы имеете право меня задержать, как подданного СССР» [8, л. 124].

Характерным являлось объяснение ксендза Гурского на вопрос уполномоченного о мотивах нежелания регистрировать приход. Он ответил, что «наш декан не дал установки по регистрации, а без его указания я не имею права регистрировать костел» [8, л. 125]. Ксендз Петр Бартошевич, который служил в приходах в Порплище, Докшицах и Крулевщизне, в разговоре с уполномоченным сказал, что «нет никакой необходимости проводить регистрацию общин, поскольку по Советской конституции церковь отделена от государства и государство не строит и не ремонтирует костелы, костелы никому не подчиняются кроме святому закону Папы, никто не имеет право продать или купить костел, он предназначен только для молитвы» [5, л. 67].

Оформление документов для регистрации костелов тормозили и местные органы. Уполномоченный открыто признавал, что работники санитарной части, противопожарной охраны, техники-строители часто боялись дать справки, за получением которых обращались священники [5, л. 77]. Так, например, ксендз Антоний Шубзда из Браслава неоднократно ходил в райздрав для получения справки о санитарном состоянии костела. И только после третьего визита священника пришел врач, который и выдал ему справку. Не лучше дело обстояло с технической справкой и справкой о противопожарной безопасности. Заключение договора тормозил и райисполком: «то некому, то печати нет» [5, л. 78].

Некоторые священники не оказывали сопротивле-

ния регистрации. Например, как отмечал уполномоченный, декан Глубокского деканата ксендз Антоний Зинкевич, настоятель Глубокского костела «ни в чем не возражал, а даже содействовал в быстрейшем ее проведении». К нему за советом обращались ксендзы не только из его деканата, а также из других и даже из Молодечненской области» [3, л. 229]. Не сопротивлялся регистрации ксендз Ян Мокшецкий, настоятель Дерковщинского прихода [8, л. 124].

Сам уполномоченный по Полоцкой области всячески старался сломить сопротивление ксендзов по вопросу регистрации. В частности, он писал: «По вопросу регистрации я принимаю все меры воздействия и надеюсь к маю 1947 г. зарегистрировать все римско-католические общины. В худшем случае буду принимать все меры воздействия на основании полученного мною указания от уполномоченного по религиозным культам БССР» [8, л. 76]. Например, в м. Докшицы и в д. Парафьяново в конце сентября 1947 г. уполномоченный опечатал костелы, несмотря на просьбы их настоятелей ксендза Петра Бартошевича и ксендза Ришарда Стоганделя продлить срок регистрации на 1–2 дня и не опечатывать здания, заверяя, что все документы будут представлены. Однако костелы были открыты только после предоставления всех документов на регистрацию.

Кроме этого, приходы, которые отказывались проводить регистрацию, не могли решить текущих проблем. Так, когда верующие из Миорского района просили отпустить им стройматериалы для ремонта костела, уполномоченный объявил делегации, что до регистрации прихода и священника лес отпущен не будет [5, л. 67].

В 1947 г. в Полоцкой области было зарегистрировано восемь костелов, в 1948 г. – еще два [7, л. 91–92]. Но уже 30 апреля 1948 г. в «Инструктивном письме № 6» уполномоченным «категорически запрещалось» проводить дальнейшую регистрацию приходов [9, л. 46].

Всего ко времени проведения учета костелов и регистрации приходов (1945–1946 гг.) в Полоцкой области, по данным уполномоченного, насчитывалось 48 костелов и часовен, в том числе: 38 приходских и 10 филиальных. За время регистрации приходов и костелов (1945–1948 гг.) был зарегистрирован 31 костел. Еще от 6 приходов поступили не все документы (отсутствовали некоторые справки о санитарном, противопожарном и техническом состоянии костелов), кроме этого, не все райисполкомы заключили типовые договоры на передачу приходам костелов, поэтому уполномоченный по Полоцкой области их регистрацию не оформлял, но считал зарегистрированными [10, л. 205]. Таким образом, по Полоцкой области было зарегистрировано 37 костелов. Не были зарегистрированы костелы и часовни в деревнях Далекие, Дуниловичи и Борейки Дуниловичского района, Порплище и Докшицы Докшицкого района, Язно, Перебродье и Боболево Миорского района, Дворново, Черневичи и Подсвилье Плисского района, Залесье Глубокского района, Иоды Шарковщинского района [10, л. 74].

Продолжая в послевоенный период политику экономического наступления на Костел, финорганы начали

увеличивать суммы налоговых обложений с приходов и священников. Уже во второй половине 1946 г. участились жалобы священников на незаконное обложение их налогами. В частности, настоятелю костела м. Друя ксендзу Люциану Павлику МІС был начислен налог со строений в сумме 16 тыс. рублей, в то время как еще в 1944 г. здание храма было серьезно повреждено, а службы ксендз Павлик проводил в коридоре монастыря, над которым сохранилась крыша [3, л. 225–231].

Ксендзу Петру Бартошевичу за 1946 г. был начислен налог в сумме 6000 руб., за 1947 г. – 8000 руб., ксендзу Станиславу Гурскому в 1946 г. – 8000 руб., за 1947 г. – 9000 руб., ксендзу Франтишку Бильше за 1946 г. – 9000 руб. и за 1947 г. – 10000 руб. [8, л. 125об.]. Кстати, когда ксендзу Бартошевичу финансовый агент вручил извещение о налоге в сумме 6000 руб., священник бросил его агенту под ноги, заявив: «Возьмите и передайте председателю райисполкома, пусть он платит, а я такой налог платить не могу, и буду платить такой, какой платил в 1946 г.» [5, л. 69].

Сталкивались священники и с другими формами притеснений. Так, когда председатель сельсовета в д. Дерковщина узнал, что местный ксендз Ян Мокжецкий строит себе дом, то попытался выселить его из квартиры, в которой он проживал, в трехдневный срок. Только после того, как ксендз написал жалобу на имя уполномоченного и тот, в свою очередь, вмешался в конфликт, председатель дал согласие оставить священника в квартире до окончания строительства дома.

Конфисковывались плебании и угодья, принадлежавшие приходам. В частности, в приходе Видзы дом священника был конфискован еще в 1939 г. под районную больницу. С началом гитлеровской оккупации в 1941 г. все имущество райбольницы было разграблено, а в дом вернулся ксендз Щемирский. Но в 1944 г. плебания снова была конфискована, поскольку район нуждался в помещении для больницы [11, л. 119].

В 1946 г. у ксендза Станислава Кудеревского из Слободки для нужд колхоза было отнято при этом 2,5 га земли, оставили ему 6 га, но налог на землю священнику начислили по-старому за все 8,5 га. У ксендза Антония Шубзды из Браслава конфисковали всю землю, передав ее райзаготконторе Браславского района [5, л. 80].

В послевоенный период на территории Полоцкой области существовало два монастыря, оба находились в Друе – мужской, Конгрегации отцов-мариан Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, и женский, Сестер Служительниц Иисуса в Евхаристии.

В 1944 г. костел и монастырь отцов мариан были частично разрушены в результате бомбежки, однако с помощью прихожан настоятель прихода и преор монастыря ксендз Люциан Павлик МІС к 1947 г. сумел восстановить костел и частично монастырь [12, л. 151 об.]. Сам священник до времени восстановления монастыря жил в тяжелых условиях, в сыром и малоприспособленном для жизни помещении [5, л. 77–80].

В марте 1947 г. в мужском монастыре находились: ксендз Люциан Павлик, а также монахи, не имевшие священнического сана: Иосиф Скурят, 1880 г.р., нетрудоспособный, Петр Дундер, 1922 г.р., Героним

Гончаронок, закрестиянин. Кроме монахов, в монастыре проживали и были задействованы на строительных и хозяйственных работах 4 подростка 15–16 лет.

Монастырь отцов-мариан просуществовал до 1949 г. В июле 1949 г. ксендз Павлик, предупрежденный об угрозе ареста, перешел на нелегальное положение. В итоге в монастыре осталось только три брата-монаха. Было очевидно, что в тех условиях монастырь был обречен, тем более что власти, не понимая сущности монашеской жизни, утверждали, что в монастыре занимаются эксплуатацией чужого труда, имея наемных рабочих. Как следствие, был сделан вывод: «Эти люди, прикрываясь именем монастыря, организовали особую кулацкую хозяйственную систему, существование которой в дальнейшем недопустимо» [13, л. 317, 317об.].

В сентябре 1949 г. друйский костел был занят под зерносклад, а помещение монастыря со всеми постройками, согласно постановления Совета Министров БССР от 20 сентября 1949 г. было передано строительному техникуму [13, л. 366, 366об.].

Переломным пунктом в деятельности монахинь евхаристок стал 1945 г., когда после окончательного установления советско-польской границы руководство Конгрегации приняло решение о выезде части монахинь из БССР в Польшу. В итоге из 49 сестер 26 выехали, 23 остались на территории Полоцкой области [14, с. 11].

Функцию Генеральной настоятельницы Конгрегации с 1943 г. выполняла сестра Аполония Петкун, она же была и настоятельницей монастыря в Друе. В то время на территории Полоцкой области находилось три дома монахинь-евхаристок – в Друе, Браславе и Слободке. В 1946 г. дом в Браславе был закрыт.

В Друйском монастыре находилось 18 монахинь, из них 8 по возрасту и состоянию здоровья были не в состоянии работать. Монахини занимались рукоделием, вязали чулки и носки, шили платья. Однако зарабатывали они немного, кроме этого, и заказов было очень мало. Поэтому основным занятием монахинь было огородничество. Семь монахинь работали на приходах. Материальное положение монастыря было очень тяжелым и постоянно ухудшалось. Так, до 1947 г. у них было 2 коровы, 6 свиней, 4 курицы, 1 га земли, несколько ульев с пчелами [4, л. 208]. Но уже весной того же года горсовет обрезаю огород монахинь, оставив им только 8 сотых га, которые они засеяли картофелем. К тому времени у монахинь осталась только одна корова. Уполномоченный в своем отчете отмечал, что монахини «совершенно раздеты, из магазина райпотребсоюза им ничего не отпускалось, у них не было даже нательного белья, и, имея свою баню, они ежедневно ее топили и мыли рубашки, затем сидели в бане до тех пор, пока не высохнет рубашка, тогда одевались, а следующие шли в баню» [15, л. 304]. Дрова монахини носили на себе из лесу за 3 километра. Хлеба не получали и зачастую его не видели. После конфискации у монахинь большого дома, они ютились в трех небольших. В докладе на заседании Совета по делам религиозных культов 19 ноября 1947 г. уполномоченный по БССР сказал, что «фактически это не монастырь, а богадельня», продолжая: «...они живут в невыносимых условиях, все у них рва-

ное, изношенное, зимой у них адский холод, потому что они не в состоянии отопить помещения. Платить налоги, которые требуются с монастырей, они не могут» [15, л. 304].

Власти делали все возможное для ликвидации монастыря. В результате 5 сентября 1949 г. настоятельница Аполония Петкун послала на имя прокурора БССР заявление, в котором протестовала против действий властей, направленных на ликвидацию монастыря, а также с просьбой дать монахиням жить так, как и раньше [16, л. 215].

В свою очередь, Председатель Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, пересылая данное заявление уполномоченному Совету по Полоцкой области, дал ему задание связаться с районными и областными властями и решить вопрос с дальнейшим существованием данного монастыря, предлагая монахиням вступить в колхоз либо работать в артели или на производстве. При нежелании выходить на работу, монахиням предлагалось разойтись по домам, поскольку почти все они были местными; помещение же женского и мужского монастыря в Друе предлагалось приспособить для общественно-полезных целей по усмотрению райсовета [17, л. 230]. Имелся у властей и другой план – в здание ликвидированного монастыря мариан они намеревались перевести всех монахинь существующих на тот момент женских монастырей БССР – из г.п. Друя, г. Гродно и д. Грибовщина [18, л. 97].

В 1949 г. монастырь евхаристок был официально ликвидирован, а дома монастыря были заняты местной больницей. Для того чтобы вернуть хотя бы часть имущества, монахини Магдалена Мороз, Моника Скурят и Фелиция Петкун предъявили больнице иск на свои дома [19, л. 7]. Однако вернуть свои дома монахиням не удалось. Несмотря на официальную ликвидацию монастыря, монахини под видом светских продолжали свою деятельность.

В 1947 г. в БССР началась политическая репрессия против римо-католического духовенства. Массовые аресты священников на территории Полоцкой области начались с 1948 г. В этом же году было арестовано 5 священников, в 1949 г. – 10 священников, в 1950 г. – 6, в 1951 г. – 2 (без учета ксендзов, которые были арестованы после нахождения на нелегальном положении).

Практически все священнослужители, служившие на территории Полоцкой области, были осуждены по статье 72 «б» Уголовного Кодекса БССР, которая предусматривала наказание за «антисоветскую агитацию и пропаганду с использованием религиозных и национальных предрассудков». Большая часть священников получила наивысший из существующих приговоров – 25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискацию имущества. Именно такие приговоры получило большинство арестованных и осужденных римо-католических священников в БССР в годы массовых репрессий. Из 225 священников, которые оставались на территории республики на 1 января 1946 года, в 1944–1952 гг., по неполным данным, было арестовано более 100. Из них 56,7% были осуждены на

25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискацию имущества, к 10 годам лагерей были приговорены 31,3% священников, остальные были осуждены на три, четыре, пять, восемь лет (2 приговора) и 15 лет (2 приговора) [20, с. 293].

Часть священников Полоцкой области перешла на нелегальное положение, однако избежать ареста им не удалось. Так, практически два года, с июля 1948 г., находился на нелегальном положении ксендз Станислав Богаткевич из прихода Пеликаны. Только благодаря помощи своих прихожан священник смог пережить это тяжелое для него время. Сначала он прятался в сарае для хранения дров возле своей плебании, затем в д. Рымшаны в семье Ракель, а затем в д. Руда в семье Миленкевич. Однако 10 января 1950 г. священник был арестован и помещен в полоцкую тюрьму. 30 марта 1950 г. на основании обвинений по статье 72 «б» и статьи 34 «а», «б» УК БССР был осужден на 25 лет лишения свободы и 5 лет лишения гражданских прав [21, с. 130–131]. Подобную судьбу повторили еще два священника, арестованные и осужденные также в 1950 г.

Нескольким священникам удавалось скрываться от органов НКВД в течение нескольких лет и, таким образом, избежать участи сталинских лагерей. Так, ксендз Станислав Гурский из Волколаты находился на нелегальном положении с 1949 г. За это время он сменил несколько мест своего укрытия. Священник скрывался на хуторе у пожилой женщины, в приходе Константиново, а также на территории своего прихода [21, с. 89]. 7 октября 1952 г. священник был арестован, однако уже 15 января 1953 г. был освобожден из-под стражи [22, л. 11–14, 17–19].

С 3 июля 1949 г. по 27 сентября 1953 г. находился на нелегальном положении ксендз Ришард Стогандель из Миор [23, л. 42], с июля 1950 г. по 27 июля 1953 г. ксендз Болеслав Засенц из Идолты [24, л. 16], почти шесть лет скрывался ксендз Антоний Шубзда из Браслава – с августа 1949 г. по 1955 г. [25, л. 218; 21, с. 570].

Имущество ксендзов, перешедших на нелегальное положение, местными властями признавалось «бесхозным», после чего бралось на учет и реализовывалось финансовыми органами. Так, 19 декабря 1950 г. Браславский райисполком вынес решение о признании бесхозным имущества ксендза Антония Шубзды и ксендза Юзефа Францкевича МІС, а затем его реализации [25, л. 218]. На деле же часть имущества священников попросту присваивалась теми, кто по долгу службы имел к нему доступ.

Ксендз Юзеф Ковальчик из Задорожья, предупрежденный об аресте, был вынужден покинуть свой приход весной 1947 г. На его место приехал служить ксендз Ян Литвинский SJ. Он же и сообщил уполномоченному, что 24 мая того же года к нему в присутствии местного представителя власти явились три человека и забрали все имущество ксендза Ковальчика. Это были: корова, трехлетняя телка, восемь овец, две большие свиньи, семь поросят, восемь куриц. Кроме этого, было конфисковано: два шкафа, шесть стульев, диван, маленький диванчик, пять столов, две железные кровати, центрифуга для выкачивания меда, 70 пчелиных

рамок, примерно пять кубометров досок, борона, плуг, воз без передка, пудов десять мешанки, пятнадцать пудов осыпки, два пуда льняного семени, два пуда соли, жернова, десятиричные весы, больше ста пудов картофеля, двое вил, лопата, молоток, семь серпов, большой таз, примерно полтора пуда свеклы, семь ламп, пять пар обуви, соломорезка, восемь кос. Часть имущества ксендза пошла на погашение задолженностей перед государством. В частности, было сообщено, что священник имеет следующие задолженности по налогам: 433 руб. 99 коп. подоходного налога, 255 руб. налога со строений и 40 руб. земельной ренты. Всего – 728 руб. 99 коп. В счет погашения этого долга были конфискованы часть вещей священника, оцененные следующим образом: круглый стол – 150 рублей, фисгармония – 400 рублей, две железные койки с сеткой – 200 рублей, будильник – 50 рублей. Итого 800 рублей. Но как оказалось впоследствии, большая часть конфискованного имущества ксендза была украдена. В результате рассмотрением этого дела занялся прокурор [15, л. 280–281].

Священники, перешедшие на нелегальное положение, во многом смогли пережить это тяжелое для них время благодаря светским верующим, которые часто рисковали, когда представляли убежище для ксендзов. Так, в доме семьи Якимович в приходе Николаево возле Дисны ксендз Юзеф Ковальчик прожил с весны до поздней осени. Вечерами он выходил из своего укрытия и молился вместе с семьей Якимович. В это время он подготовил к первой исповеди их семилетнюю дочь Ванду. Екатерина Якимович, мать семейства, рисковала даже своей жизнью, когда прятала в своем доме священника. В один из дней в ее дом пришли местные милиционеры, искавшие ксендза. Екатерине Якимович начали угрожать, что, если она не скажет, где находится священник, ее расстреляют, а детей сдадут в детский дом. Однако женщина смело ответила, что она ничего не знает о судьбе священника, а в случае ее смерти у детей останутся отец и бабушка, и в детский дом они не попадут. Ксендз Ковальчук, который прятался за печкой и слышал весь разговор, хотел уже выйти, чтобы не рисковать жизнью Екатерины Якимович, но эти люди ушли [26]. В начале зимы глава семьи Якимович переправил священника в Гродненскую область, где тот нашел убежище у ксендза Владислава Курпис-Гарбовского в приходе Ворняны. Однако спустя некоторое время священник был арестован, когда попытался нелегально перейти границу с Польшей и отправлен в лагерь.

В доме Марии Высовской из д. Заплюшчино перед угрозой ареста с августа 1949 г. скрывался ксендз Франтишек Бильша, настоятель прихода Плюссы.

Только несколько священников на территории Полоцкой области избежали ареста. Это были ксендз Ян Мокжецкий из Дерковицы [27, л. 23–24], ксендз Ян Литвинский SJ из Задорожья [21, s. 378], ксендз Юзеф Козел из Дрисвят [28, л. 148] и ксендз Антоний Зенкевич из Глубокого [29, л. 22]. Но и их жизнь в это время не была спокойной. Так, ксендза Яна Литвинского неоднократно вызывали на допрос представители милиции и НКВД [21, s. 378].

Таким образом, начиная с 1948 г. количество свя-

щенников в Полоцкой области в результате арестов постоянно уменьшалось. Например, в четвертом квартале 1951 г. на территории области имелось только четыре прихода, в которых служили священники, четыре прихода действовали без священников, а уже в первом квартале 1952 г. этих приходов было соответственно четыре и три [30, л. 33]. Это привело к тому, что католики начали посещать православные церкви.

После ареста священника у верующих изымались ключи от костела, и он закрывался для молитвы. Культурное имущество закрытых костелов признавалось бесхозным и должно было реализовываться в соответствии со статьями 5–7 Положения о порядке учета и пользования национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозного имущества, утвержденного постановлением СНК СССР от 17 апреля 1943 г. В итоге часть костельного имущества из закрытых костелов уничтожалась, часть сдавалась в утиль, часть продавалась, часть забирали представители местной власти, какая-то часть сгружалась в сакристию. Прихожане закрытых костелов старались сохранить хотя бы иконы и, если была возможность, забирали их. Так, например, верующие Идолтовского, Друйского и Миорского костелов после их закрытия часть культовых предметов разобрали по домам [25, л. 218]. При возможности часть костельного имущества передавалась соседним костелам.

Наблюдались в закрытых костелах и случаи открытого вандализма, оскорбляющие чувства верующих. Так, в костеле в м. Миоры культовое имущество хранилось в закрытой сакристии, дверь которой была закрыта и опечатана. Спустя какое-то время дверь сакристии была взломана, а все культовое имущество было разбросано. А первый секретарь Миорского райкома партии Горбатенко в присутствии рабочих, которые очищали зерно в костеле, выломал ломом дверцы табернакулюма [30, л. 154].

Большая часть закрытых костелов была занята под склады «Заготзерно». Это вызывало жалобы верующих, поскольку часто происходило со скандалами, выламыванием замков костелов и даже рукоприкладством по отношению к тем верующим, которые пытались защитить костелы. Так для того чтобы занять под зерносклад костел в д. Удело Глубокского района, у костельного исполнительного органа были отобраны ключи от храма [25, л. 3].

В д. Прозороки Плисского района уже через 40 дней после ареста настоятеля прихода ксендза Викентия Варши председатель Полоцкого облисполкома своим единоличным распоряжением разрешил «Заготзерно» занять костел под зерносклад. Однако уполномоченного по Полоцкой области данный факт возмутил лишь потому, что по его сведениям «религиозный фанатизм среди верующего населения этого прихода еще настолько высок, что немедленно после случившегося верующие в количестве более 500 человек подписывают жалобу на имя товарища Сталина, в которой они сообщают, что у них отняли ключи от костела и не разрешают им проводить молитвенные собрания. Вторичное заявление, подписанное 442 человеками, получено нами

26 июня с.г., в этом заявлении они снова ходатайствуют о том, чтобы им вернули ключи». Таким образом, столь быстрое решение занять костел под склад зерна он охарактеризовал как «политически вредное», но в данном случае, по его мнению, необходимо было всего лишь выждать какое-то время [25, л. 5].

На 23 декабря 1949 г. в Полоцкой области под зерносклады было занято 14 костелов [31, л. 41], на 28 сентября 1951 г. – 18 [32, л. 34]. Всего за период 1948–1951 гг. под зерносклады было занято 22 зарегистрированных в свое время костелов. Под сельскохозяйственные нужды были переданы и незарегистрированные костелы, и часовня: в д. Перебродье и д. Боболево Миорского района, в д. Иоды Шарковщинского района [10, л. 74].

Только в 1952 г. началось освобождение костелов из-под зерноскладов. В соответствии с постановлением Совета Министров БССР от 24 апреля 1952 г. Полоцкий облисполком вынес свое решение 29 апреля 1952 г. об освобождении костелов, занятых под склады «Заготзерно». Их необходимо было освободить к 20 декабря 1952 г. и далее не занимать без решения Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР [33, л. 42]. Однако в реальности не все было гладко. Например, в Браславском районе не было возможности освободить костелы в назначенный срок, поскольку не было куда вывезти зерно [33, л. 43]. Из-за плохой погоды в Новом Погосте Миорского района не был освобожден в срок костел [33, л. 44].

На 23 августа 1952 г. в Полоцкой области из-под зерноскладов было освобождено 12 костелов, 3 были еще заняты [33, л. 67].

Часть костелов в Полоцкой области были приспособлены под другие цели. В частности, костел в м. Леонполь в 1951 г. был передан в пользование Леонпольской государственной одногодичной школы, костел в г. Докшицы в 1951 г. был занят под библиотеку [10, л. 72–73; 34, л. 73], костел в д. Порплище Докшицкого района – под школу механизации сельского хозяйства [34, л. 74], костелы в д. Язно и в д. Бельмонты под школы [13, л. 61, 79], костел в д. Подсвилье Плисского района был приспособлен под клуб, костел в д. Залесье Глубокского района был передан под сельсовет [10, л. 74].

Также власти пытались найти применение и давно не действующим костелам. В марте 1949 г. комиссия из Глубокое в составе нескольких человек прибыла в поселок Березвечье для осмотра здания бывшего костела. По решению комиссии было принято решение о сносе здания, поскольку «коробка бывшего костела под восстановление непригодна» [13, л. 465]. Пустующая кирпичная коробка костела в г.п. Ушачи решением Полоцкого облисполкома от 9 марта 1952 г. была передана под маслозавод с правом переоборудования.

С апреля 1950 г. священнослужителям было запрещено служить Мессе вне стен костелов, а также проводить продолжительные службы в горячее время полевых работ, а верующим собираться на майские моления возле придорожных крестов [35, л. 11].

Поскольку в результате массового ареста ксендзов верующие остались без душепастьерской опеки, поэтому они начали проводить службы без священников,

чаще всего под руководством органистов или сакристан. Однако открывать костел для молитвы в таких приходах разрешалось только по воскресеньям и в дни важнейших религиозных праздников [36, л. 123].

Каким образом проходила религиозная жизнь в таком приходе, можно рассмотреть по данным уполномоченного на примере Браславского прихода в 1950 г.: «Верующих собирается в костел небольшое количество, так например: 29 января 1950 г. в воскресенье, в костеле присутствовало 70–80 человек женщин, 40 мужчин и молодежи 26 человек. В костеле проводилось богослужение и было организовано пение. Крещение, бракосочетание и исповедь верующие Браславского прихода отправляют в тех костелах, в которых имеется ксендз, похороны верующие отправляют без ксендза, организуют пение и с крестом провожают покойника на кладбище. Многие верующие женщины в деревнях собирались на молитвы розария. Некоторые католики посещали православную церковь. На Рождество местная прихожанка вышла замуж за православного и венчалась в православной церкви» [37, л. 2].

Верующие приходов, которые действовали без священника, неоднократно присылали уполномоченным заявления с просьбами разрешить определенному ксендзу провести в их костеле службу. Время от времени подобные разрешения давались. Однако подобных случаев было немного. Например, представители прихода Глубокое обратились к уполномоченному за разрешением пригласить отслужить Мессу ксендза Михаила Сухаревича из Мосаря на 26 декабря 1951 г. На Мессе, которая началась в 12 и закончилась в 14 часов дня, присутствовало около 1 000 человек, большинство из них были женщины среднего и старшего возраста [30, л. 22–23].

Непрерывно поступали заявления от верующих прихода Слободка Браславского района о выдаче им разрешения на приезд ксендза из соседнего прихода из Латвийской ССР (вероятно, речь идет о приходе Пиедруя) для отправления Мессы в их костеле 1–2 раза в месяц [38, л. 41].

Тем временем на территории Полоцкой области произошли следующие изменения касаемые численности кадров духовенства. В 1949 г. в приходе Мосар был зарегистрирован ксендз Михаил Сухаревич, отбывший к тому времени четырехлетнее заключение [39, л. 13]. В 1951 г. (по другим сведениям в 1952 г.) умер ксендз Антоний Зенкевич из прихода Глубокое [21, с. 411]. В 1952 г. в Полоцкой области начали свое служение два новых священника – 9 октября в приходе Глубокое был зарегистрирован ксендз Франц Перко [29, л. 17], а 25 октября в Браславе – ксендз Франц Свентэк CSsR [40, л. 26]. Однако эти священники имели серьезные проблемы со здоровьем. В частности, ксендз Франц Свентэк перемещался в инвалидной коляске. Также не было спокойным и служение этих священников. Так, хотя и на короткий срок, однако ксендз Франц Перко был арестован.

В 1953 г. легализировались три священника, перешедшие во время массовых арестов духовенства на нелегальное положение: ксендз Станислав Гурский, ксен-

дз Болеслав Заенц и ксендз Ришард Стогандель. И если первые два священника сравнительно легко получили регистрацию в своих бывших приходах, то ксендз Ришард Стогандель с регистрацией имел серьезные проблемы. После кратковременного ареста и освобождения он проживал в д. Шнурки Повятского сельсовета Миорского района – на территории прихода, где он служил до перехода на нелегальное положение [23, л. 42].

Не имея возможности вести полноценную религиозную жизнь в БССР вследствие массового ареста священников и закрытия костелов, верующие начали посещать костелы в Литве. Они приезжали на Мессу, исповедовались, особенно во время Великого Поста и Пасхи, привозили крестить детей, венчались, молодежь приезжала на конфирмацию. Причем приезжали как родители с детьми, так и люди старшего возраста. Особенно увеличилось количество верующих в литовских костелах, начиная с 1954 г. [41, л. 56].

Однако и сами верующие закрытых костелов боролись за открытие своих храмов. Уже в августе 1949 г. Гунефа Шидловская как представительница «двадцатки» из прихода Плюссы выслала заявление уполномоченному Совету по делам религиозных культов с просьбой открыть приходской костел [16, л. 183]. С подобной просьбой она обращалась и в 1953 г. [42, л. 52, 52об.].

Начиная с 1952 г., и особенно после смерти Иосифа Сталина в 1953 г., верующие многих приходов Полоцкой области начали высылать в различные инстанции заявления с просьбами об открытии костелов и получения разрешения на проезд священника в их приход. Так, в 1952 г. просили об открытии костела верующие прихода Урбаны [43, л. 67], Шарковщина [44, л. 208], Опса [45, л. 282], в 1953 г. – прихода Видзы [44, л. 122], в 1953–1954 гг. верующие прихода Иказнь [46, л. 18]. Как правило, эти заявления подписывало большое количество верующих. Часто представители прихода высылали несколько заявлений, поскольку на многие из них не получали ответа. Однако на тот момент, в большинстве случаев, верующие своего не добивались.

**Заключение.** Таким образом, к моменту ликвидации Полоцкой области на ее территории насчитывалось 10 священников – 8 из них служили в действующих приходах. Еще один священник на территории Полоцкой области не имел прихода и права служения, но проводил душепопечительское служение нелегально. Ксендз Антоний Шубзда находился на нелегальном положении. Кроме восьми приходов, где имелись настоятели, приход Слободка функционировал без священнослужителя, время от времени с разрешения уполномоченного в приходском костеле служила Месса. Сами верующие в ситуации вынужденного ограничения религиозных практик вследствие малого количества священнослужителей либо посещали костелы в Литве, либо практиковали самостоятельно, без священника. К тому же, верующие боролись за открытие своих костелов, хотя на тот момент и безрезультатно. Несмотря на все усилия властей ликвидировать структуры Костела на территории Полоцкой области, им это не удалось, во многом благодаря как жертвенной позиции священников, так и героическим усилиям верующих.

## Литература

1. *Catalogus ecclesiarum et cleri archidioecesis Vilnensis pro anno Domini 1939*. Vilnae, 1939. – 210 s.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. Оп. 2. Д. 4.
3. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 10.
4. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 2.
5. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 9.
6. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 1.
7. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 33.
8. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 6.
9. Зональный архив г. Молодечно (ЗАГМ). – Ф. 895. Оп. 2. Д. 3.
10. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 36.
11. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 2.
12. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 13.
13. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 17.
14. Srzelecka, Halina, SJE. *Służebnicy Jezusa w Eucharystii na terenach Związku Radzieckiego w latach 1945–1991* / Halina Srzelecka SJE. – Warszawa, 1994. – 226 s.
15. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 7.
16. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 18.
17. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 21.
18. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 16.
19. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 19.
20. Roman Dzwonkowski SAC. *Represje władz sowieckich wobec duchowieństwa katolickiego obrządku łacińskiego w latach 1939–1987 // Przegląd Wschodni*. – 2000. – T. 1. – Zeszyt 1 (25). – S. 275–298.
21. Dzwonkowski, Roman, SAC. *Leksykon duchowieństwa polskiego represjonowanego w ZSRS 1939–1988* / Roman Dzwonkowski SAC. – Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2003. – 856 s.
22. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1439. Оп. 3. Д. 112.
23. ГАВт. – Ф. 1439. Оп. 3. Д. 115.
24. ГАВт. – Ф. 1439. Оп. 3. Д. 89.
25. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 23.
26. Интервью с Вандой Ладой, 1940 г.р., д. Лыска, Миорский район, август 2008 г.
27. ГАВт. – Ф. 1439. Оп. 3. Д. 90.
28. ГАВт. – Ф. 4029. Оп. 1. Д. 17.
29. ГАВт. – Ф. 1439. Оп. 3. Д. 95.
30. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 32.
31. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 20.
32. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 25.
33. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 34.
34. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 10.
35. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 25.
36. ЗАГМ. – Ф. 895. Оп. 2. Д. 2.
37. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 19.
38. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 33.
39. ГАВт. – Ф. 1439. Оп. 3. Д. 96.
40. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 40.
41. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 33.
42. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 29.
43. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 31.
44. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 27.
45. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 39.

Поступила в редакцию 23.03.2020